

БЫТИЙНАЯ И АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА СЛОВА В ПОУЧЕНИЯХ КОНЦА XVII ВЕКА*

Анастасия Нестерова

Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия

THE EXISTENTIAL AND ANTHROPOLOGICAL SEMANTICS OF THE WORD IN LATE 17th-CENTURY SERMONS**

Anastasia Nesterova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russia

This article describes the semantics of the *word* concept, which is represented in late 17th-century homiletic texts. It is defined by the topics of sermons in terms of their ontological and anthropological content, which is characterised by specific features depending on the author. The article mostly focuses on *Statir*, an extensive and little-studied collection of sermons written by an anonymous author on the Stroganov patrimonial estate. The text is of considerable scholarly interest because of its high artistic level and the author's fresh view on the traditional aspects of religious life. His sermons actualise the concept of the word on three levels: *the Divine Word – the word of the Church Fathers – the sermon word of the clergyman*. The three levels are arranged in a hierarchical chain, whose first link is the Word spoken by God the Father (God the Son) and the Gospel, while the next is represented by the teachings of the Holy Fathers. Each new link is the priest's word, which is reflected in sermons addressing the parish and readers of the collections. These levels are fully represented in the sermon *Word 35. Teaching for the Day of the Three Hierarchs: Basil the Great, Gregory the Theologian*,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19–18–00186 «"Культура духа" vs "Культура разума": интеллектуалы и власть в Британии и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)»).

** Citation: Nesterova, A. (2020). The Existential and Anthropological Semantics of the Word in Late 17th-Century Sermons. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 1. P. 36–55. DOI 10.15826/qr.2020.1.446.

Цитирование: Nesterova A. The Existential and Anthropological Semantics of the Word in Late 17th-Century Sermons // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 1. P. 36–55. DOI 10.15826/qr.2020.1.446 / Нестерова А. Бытийная и антропологическая семантика слова в поучениях конца XVII века // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 1. С. 36–55. DOI 10.15826/qr.2020.1.446.

and John Chrysostom. Praise of their Care for the Flock. And about the False Shepherds, and on Heretics, and on the Existing Schismatics. The reader joins in the praise of the three hierarchs and theologians to whom the sermon is devoted. It dwells on the topics of the teaching word, the transformative word, and the role of the clergyman in the process of relaying the truth and criticism of tendencies deviating from the Church and offering an alternative interpretation of its dogma. The *word* concept is also studied in *Food for the Soul* (Rus. *Obed Dushevnyi*), a sermon collection written by Simeon Polotsky, which was familiar to the author of *Statir* as can be seen from the references. The author of the article carries out comprehensive text analysis and examines the historical and cultural content of the preaching texts. Features of the thematic content of the sermon are examined through the rhetorical structure of a separate work. The study demonstrates that for the author of *Statir*, the semantics of the multi-level word concept is primarily associated with the categories of continuity, transmission of true knowledge, and transformation of reality. The word is a key to salvation capable of confronting the unrighteous word and directing believers' lives (in contrast to the word in *Food for the Soul* where it appears as a resource, a specific fuel required for the spiritual development of the recipient). In the sermon *Teaching for the Day of the Three Hierarchs*, the author builds a complex system of arguments designed to convince the readers of the need to learn the word of truth through sacred texts and curb the spread of false teachings. Using extensive metaphors and creatively processing sources, the author engages the recipients in the space of teachings and convinces them to adopt his point of view. The sermon resembles a fluent multidimensional conversation, whose themes form a network and are combined into an integrated system by the *word* concept.

Keywords: sermon; handwritten collection *Statir*; 17th-century literature; *word* concept; image of the author; Simeon Polotsky.

В статье раскрывается семантика концепта *слово*, репрезентированная в проповеднических памятниках конца XVII в. Она конкретизируется тематикой проповедей в аспекте онтологического и антропологического содержания, которое обладает своими особенностями для каждого отдельного автора. Основное внимание уделяется обширному малоисследованному сборнику проповедей «Статир», составленному в Строгановской вотчине анонимным автором. Интерес к нему обусловлен высоким уровнем художественной выразительности рукописи и фигурой автора, для которого характерен свежий самобытный взгляд на традиционные аспекты религиозной жизни. В его проповедях концепт реализуется на трех уровнях: *Слово Божественное – слово отцов церкви – слово-проповедь священнослужителя*. Три уровня выстраиваются в иерархическую цепь, первым звеном которой является изреченное Богом Отцом Слово (Бог Сын) и евангельское благовествование, следующим – поучения святых отцов, и каждым вновь возникающим звеном – слово священников, которое реализуется в проповеди, адресованной пастве прихода и читателям сборников. Продемонстрировать каждый из трех уровней в полной мере

позволяет проповедь «Слово 35. Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей: Василия Великаго, Григория Б(о)гослова, Иоанна Златаустаго. Похвала о пастве прилежания ихъ. И о лживыхъ пастырехъ, и на еретики, и на н(ы)-нѣшния расколники». Читатель приобщается к восхвалению трех святителей-богословов, на день памяти которых написана проповедь, в ней развиваются темы слова учения, слова преображающего, роли священнослужителя в процессе ретрансляции истины и критика течений, отпадающих от церкви и предлагающих альтернативную трактовку ее догматов. Наряду с поучениями «Статира», рассматривается отражение концепта в сборнике проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный», с которым, судя по упоминанию, автор рукописи был знаком. Используется комплексный текстовый анализ, представлено исследование исторического и культурологического контента проповеднических текстов. Особенности тематического наполнения проповеди рассматриваются через обращение к риторической структуре отдельного сочинения. Исследование показало, что семантика многоуровневого концепта *слово* для автора «Статира» связана в первую очередь с категориями преемственности, трансляции истинного знания и преображения окружающей действительности. Слово является ключом к спасению, оно способно противостоять слову неправедному и направлять жизнь верующего (в отличие от семантики слова в «Обеде душевном», где оно предстает в качестве ресурса, специфического топлива, необходимого для духовного развития реципиента). В проповеди «Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей» автор выстраивает сложную систему аргументации, направленную на утверждение необходимости познания слова истины через священные и поучительные тексты, а также на пресечение распространения ложных учений. Посредством использования объемных живых метафор и творческой переработки источников автор вовлекает адресатов поучения в пространство текста и убеждает их в своей позиции. Проповедь напоминает живую многоаспектную беседу, тематические центры которой образуют сеть и объединяются в целостную систему концептом *слово*.

Ключевые слова: проповедь; рукописный сборник «Статир»; литература XVII в.; концепт «слово»; образ автора; Симеон Полоцкий.

Среди памятников гомилетики XVII в. особое место занимает обширный малоизученный сборник проповедей «Статир» [РГБ. Собр. Румянцева. № 411 (Сборник слов и поучений «Статир»)]¹. Он был создан в конце столетия в Орле-городке, вотчине Строгановых, и по самобытности и художественной выразительности сопоставим с творениями выдающихся авторов своей эпохи, таких как Симеон Полоцкий и про-

¹ Конец XVII века. 815 л. 4° (30 x 25), п/у одного почерка, авторская нумерация листов: 1–17 (I счета), 1–517 (II счета), 1–279 (III счета). Сбой нумерации: пропущены л. 474 (II сч.), 187 (III сч.); пронумерованы дважды л. 439, 443 (II сч.), 189 (III сч.). Утрачены л. 250, 251 (III сч.). Далее ссылки на «Статир» даются в круглых скобках с указанием номеров листов.

топоп Аввакум. Особенность сборника состоит в том, что его автор предпочел остаться анонимным [Соболева, Мангилев], и на сегодняшний день нельзя с научной достоверностью назвать его имя [Буланин]. Исследование особенностей графики и поэтики рукописи позволяет предполагать, что по уровню владения словом автор мог относиться к кругу высокообразованных проповедников, являя собой редкий случай сочетания творческого переосмысления библейских текстов и новизны выводов при опоре на существовавшую традицию гомилетики.

Написан «Статир» на 815 листах и разделен автором на две части, первая из которых включает 111 «слов» на праздники пасхального и послепасхального цикла, а вторая – 45 поучений, приуроченных к дням памяти святых и событиям жизни прихожан, связанным с церковной практикой. «Статир» изучался ранее в текстологическом аспекте [Востоков; Алексеев], немногие поучения рассматривались в ключе заданной темы (например, богатства и бедности [Сгибнева]), однако комплексное исследование, затрагивающее основные черты сборника и раскрывающее его художественную, содержательную и культурную ценность, пока отсутствует. В данной статье будет затронут лишь один из аспектов изучения рукописи – риторическая структура проповеди, позволяющая обнаружить логику построения аргументации и раскрыть центральные для автора темы. Общая теория церковного красноречия (гомилетики) в историческом становлении и теория структуры текстов получила освещение в работах светских [Михальская] и религиозных авторов [Таушев; Феодосий], но проблема особенностей проповеднического искусства конкретных авторов, несмотря на важность жанра для всего XVII в., отмеченную Л. В. Левшун [Левшун, с. 777–808], остается недостаточно исследованной, за исключением внимания к творчеству Симеона Полоцкого, преимущественно к сборнику «Обед душевный» [см., например: Попов; Еремин; Елеонская; Киселева и др.]. Между тем, именно на жанр проповеди возлагались немалые надежды в процессе формирования общенационального идеала.

Центральную позицию в проповедях «Статира» занимает аспект, имеющий для создателя сборника основополагающее значение и как бы выстраивающий вокруг себя все остальные темы. Это концепт слова и учения как воплощения слова действенного. Слово как таковое, и особенно слово книжное, обладает в понимании автора действенной силой, способной созидать и трансформировать окружающую реальность через воздействие на души слушателей. Основное внимание в данном исследовании уделяется комплексному рассмотрению проповеди второго цикла (неподвижных праздников) сборника – «Слово 35. Поучение на д(е)нь триехъ с(вя)т(ите)лей: Василия Великаго, Григория Б(о)гослова, Иоанна Златаустаго. Похвала о пастве прилежания ихъ. И о лживыхъ пастырехъ, и на еретики, и на н(ы)нѣшния расколники» (л. 193–200 об.). Поучение в силу значимости для автора фигур трех святителей-богословов, направляющую

связанных с проблемой слова учения, репрезентирует заявленный концепт в аспекте его Божественной сущности, антропологической семантики и эстетического воплощения.

Этот концепт имеет трехуровневую иерархическую структуру.

Высшую ступень занимает слово, дарованное христианам Богом через Священное Писание, и в поучениях этот уровень ощущается в тексте благодаря прямому скрытому цитированию, образам, заимствованным из центральных для автора книг. Этот уровень является несущей основой поучений, фундаментом авторской мысли, который служит ее оправданию и обоснованию. В религиозной литературе Словом именуются Бог Отец и Бог Сын. Оно имеет сложную природу и требует философского осмысления как сущность порождающая и являющаяся [см.: Иоанн Златоуст, беседы 2–4]. Бог Отец рождает Сына, Сын творит слово, Сам являясь Словом, и слово Сына, зафиксированное в Священном Писании, созидает царство Божие в душах верующих, преображает, творит окружающую действительность и делает их способными, в свою очередь, рождать слово. К цепи, все звенья которой сложно сплетены и взаимосвязаны, к этому процессу возникновения и транслирования слова оказывается причастен и сам автор.

Следующий уровень – слово, изреченное святыми отцами церкви. Они являются непререкаемым авторитетом для автора, и особенное почтение он выказывает выдающимся проповедникам Иоанну Златоусту, Василию Великому и Григорию Богослову. Обращение к их фигурам и учению дает возможность автору рассуждать о значимости пастырского слова и утверждать свою проповедническую роль, подчеркивать ценность и необходимость поучения как словесного вразумления.

И, наконец, третий уровень – слово, произносимое самим автором. Несмотря на последнюю позицию в этой цепи, данный уровень обладает невероятным значением для автора сборника и, соответственно, для исследования. В составлении поучений автору видится ключ ко многим проблемам современников, именно здесь проявляется его вера в созидательную силу слова и возможность с его помощью изменить окружающую действительность. Стоит отметить, что на уровне собственного слова автор осуществляет взаимодействие с Божественным Словом и трудами учителей церкви, расширяя смысловое пространство текста. В «Предисловии» автор «Статира» расшифровывает название сборника и эксплицирует его связь с первым уровнем концепта:

Статиръ же есть камень честенъ, иже в Сирии родится, или четвертая часть златицы, д(у)х(о)внѣ же разумѣтся Статиръ – исповѣдие *слова Б(о)жия* (л. 8).

Для выявления специфики авторского видения сущности слова необходимо обратиться к одному из самых распространенных во второй половине XVII в. сборников поучений, с которым автор «Статира» был хорошо знаком и на который он часто ссылается, –

к «Обеду душевному» Симеона Полоцкого. Уже в «Предисловии к читателю» Полоцкий предлагает свою интерпретацию феномена учения: проповедь, то есть *обед душевный* – это подготовленное автором для восприятия читателей Божие слово. Используя яркие сравнения и метафоры, Полоцкий обращается к пищевым образам, слово Божие становится хлебом небесным, необходимым для утоления духовного голода – так же, как хлеб земной необходим для поддержания тела. В тексте автора не просматривается некой вневременной цепи, иерархии уровней слова – его собственная проповедь является буквально способом *приготовления* первослова:

Умыслихъ азъ гладнымъ православнымъ душамъ д(у)ховную трапезу, объдъ душевный от пищи слова Б(о)жия пре(д)ставить во дни воскресныя, на вселѣтное поприще, въ насыщение спасенное [Симеон Полоцкий, л. 7 об.].

Божественное слово нуждается в упрощении и истолковании для более широкой аудитории, поэтому Полоцкий «приготавливает» обед из хлеба небесного и обращается к читателю с руководством, что следует делать с этой духовной пищей. Сравнение с пищей Симеон подкрепляет аллегориями из Писания и отцов церкви, дабы не вызвать недоумение читателя.

В системе, которую моделирует Полоцкий, праведное слово не противостоит какой-либо ереси, в отличие от системы автора «Статира». В сборнике первого «животворный хлеб небесный» в сфере духовного противопоставляется «душетлѣнному геенскому брашну», то есть различным порокам, губительным для души, которыми она также может питаться, – сребролюбю, блудодеянию, гневу, честолюбию, гордости и т. д.:

Да отвергше брашна бесполезная душетлѣнная, ядять сей обедъ душецелѣбный, душекрѣпительный, и душеспасенный, от брашен бл(а)-гихъ уготованный [Там же].

В оппозиции «дух – тело» слово учения сопоставляется с пищей земной, не имеющей отрицательной коннотации. Сравнение с телесной категорией дает автору возможность более ясно выразить и донести до читателя смысл категории духовной:

Брашно укрѣпляетъ плоть, слово Б(о)жие д(у)шу. Брашно есть нужно въ путь житейский, слово Б(о)жие въ путь духовный. Хлѣбъ вои крѣпить во брани гражданстей, слово Б(о)жие на брани духовнѣй² [Там же].

² Симеон Полоцкий ссылается здесь на «Григория ветхаго Рима первопрестольника» – судя по всему, один из трудов папы римского Григория I.

Так, *слово* в проповеди Симеона Полоцкого становится материалом, источником и топливом, необходимым для возрастания души и ее спасения, а сам проповедник предстает учителем, которому доступны тайны мудрости и который готов поделиться душеспасительным знанием с читателями сборника. В «Статире» же *слово* предстает скорее как сам путь возрастания души верующего, ключ к истине и, соответственно, к раю, к спасению души человека и преобразованию окружающей действительности. Автор сборника при этом ощущает свою преемственность, принадлежность цепи проповедников, берущей начало от апостолов и включающей каждого нового рукоположенного священнослужителя. Сознывая свое призвание и высоту священнического сана, автор выказывает глубокое смирение и осторожность в своем начинании, его включенность в ряд проповедников дает возможность влиять на мир и транслировать слово истины, но вместе с тем накладывает большую ответственность.

И Симеон Полоцкий, и автор «Статиры» не разделяют разумное восприятие слова и духовную составляющую учения: слово передается и усваивается благодаря разуму, способности человека *осмысливать* духовные категории. Чем более просветлен учением человек, тем скорее он продвигается по пути спасения души. В «Предисловии к читателю», проводя параллель между пищей для тела и словом Божиим для души, Полоцкий описывает состояние голода как показатель телесного здоровья. Желание пищи духовной свидетельствует о здравии души, причем ее восприятие напрямую связано с разумом:

Не имѣяй же алканія брашенъ, немощенъ есть плотски. Подобнымъ обычаемъ алкоту имѣяй слова Б(о)жия, знамение показуеть здравія си душевнаго: не желай паки прияти его во стомахъ разума си, явствуется болѣзнуяй духомъ. Болѣзнуяй же ко смерти, иже что либо приметъ, то скоро извергаеть из сирища памяти и разума [Симеон Полоцкий, л. 7].

Приведенная ранее цитата также изобилует метафорами, связанными с телесной образностью, и раскрывает процесс усвоения учения через категории разума: «Яждь взимая рукама ума твоего, прежувай зубами рассуждения, поглощай въ стомахъ памяти твоя, и будетъ ти ко ползу» [Там же, л. 8]. Образ «зубов рассуждения» появляется и ближе к концу проповеди, когда Полоцкий предупреждает читателя, что содержание книги может быть иногда горьким, но польза поучений неизменно сладка: «Яже вся аще прежуете рассуждения зубами, сладкий медъ устамъ вашимъ будетъ» [Там же, л. 8 об.].

Неотделимость разумного начала от духовного познания наблюдается во многих проповедях сборника «Статир» и тексте «Предисловия». В метафорической мотивировке выбора автором названия для сборника фигурируют категории *ума* и *смысла*:

...рече ми Б(о)жия бл(а)годать: «Не унывай, ч(е)л(о)в(ѣ)че! Что влачешься унынием, яко безгласная рыба в мори непостояннаго вѣка? Верзи, яко удицу, ума твоего внутрь многоятежнаго смысла своего – и обрящещи Статирь, даждь его во сл(а)ву имени Моего и в свое искупление» (л. 2).

Здесь происходит отсылка к евангельской притче, и отчасти – к толкованию Феофилакта Болгарского, о чем упоминает и сам автор. В исследуемой проповеди значимость разума и даже институционального образования проявляется в системе авторских оценок «ученых» и некнижных мужей, в определении недостаточной образованности священства в качестве причины нравственного упадка. Веру в разумное начало и обращение к нему как к оплоту нравственности можно назвать явлением второй половины XVII в., предваряющей масштабные преобразования следующего столетия и эпоху классицизма. Разум в проповедях предстает инструментом познания добра и истины, не вызывающим недоверия и не противопоставленным духу – эта дихотомия возникнет значительно позже.

В поучении на день Трех святителей можно выделить три тематических центра: *прославление святителей, критика недостойных священников и осуждение «еретиков»*. Макротемы, дробящиеся на более мелкие, неразрывно связаны между собой, органично перетекают друг в друга и ведут за мыслью автора слушателя, который все больше убеждается в правоте говорящего. Если рассматривать их в контексте трехуровневого концепта слова, то первой части соответствуют первый и второй уровни: здесь происходит взаимодействие слова отцов церкви и слова Божественного – при восхвалении святителей автор часто обращается к литургическому и евангельскому текстам. Второй центр – критика недостойных священников – являет собой второй и третий уровни: праведное слово автора сборника направлено на вразумление современных иереев посредством обращения к текстам богословов, их жизнь рассматривается на контрасте с праведной жизнью отцов церкви. Наконец, третья часть – осуждение «еретиков» – представляет собой авторское слово в действии, ее целями являются убеждение паствы в неправедности еретического течения и предотвращение отпадения от официальной церкви. Рассмотрим подробнее содержание каждой из трех частей.

Начинается «Слово» с восхваления трех святителей, и эта часть представляется исключительно значимой для автора: в объемных и замечательных по красоте сравнениях, метафорах, обращениях и сопоставлениях фигур святителей с образами Писания и окружающей природы автор являет действительно высокое мастерство. Приведем фрагмент первой части:

И тако пресвѣтлии ерарси,
 величии свѣтилници
 яко с(о)лнце на тверди
 ц(е)р(ко)внаго н(е)ба просияша.
 И яко звезды нелестии миру явишася,
 паче чювственныхъ звезд и денницы,
 просияша зарею Д(у)ха С(вя)т(а)го,
 и житиемъ своимъ чюднымъ,
 чистымъ и безгрѣшнымъ.
 На земли яко а(н)г(е)ли пожиша,
 а на н(е)б(е)сѣхъ умъ свой выну имѣша,
 ни на что же земное зрящи,
 но всегда н(е)б(ес)ная желаючи,
 и нетлѣнная созидаху,
 яко странницы и бездомницы пребываху
 (л. 194).

Масштаб святителей является в метафоре, воссоздающей пространство христианского космоса. Святые проповедники отождествляются с небесными светилами – солнцем и звездами, сияющими на церковном небосклоне. Эпитет «нелестии» указывает на истинность, правдивость их света, который оказывается ярче света объектов чувственного, то есть материального мира:

И яко звезды нелестии миру явишася, // паче чювственныхъ звезд и денницы, // просияша зарею Д(у)ха С(вя)т(а)го, // и житиемъ своимъ чюднымъ, // чистымъ и безгрѣшнымъ (там же).

Для автора их принадлежность миру небесному, метафизическому безусловна: телом они пребывали на земле, но жили «яко ангели», ум их всегда был обращен к неземному («на н(е)б(е)сѣхъ умъ свой выну имѣша, // ни на что же земное зрящи, // но всегда н(е)б(ес)ная желаючи» (там же)). Творения святых проповедников нетленны («нетлѣнная созидаху») и через вневременное слово переносят его авторов в сферу, находящуюся вне пространства – на небосклон христианского космоса. Свет учения богословов с этой позиции достигает всех, вне зависимости от эпохи и места пребывания. Характеристика святителей как «странников» и «бездомных» указывает на расширение границ возможного земного пристанища: пространство дома размыкается и охватывает собой всю вселенную. Их странничество напоминает движение небесных светил по орбитам – динамика вечного характера сопровождается излучением света, достигающим и жителей мира иного, и жителей земли через материальное воплощение – в первую очередь слово, явленное в текстах книг, литургических молениях и проповедях священников. Свет учения проникает и в слово автора «Статира», преобразуясь согласно авторской интенции и обретая

силу в новом преломлении. Благодаря слову, изреченному и зафиксированному в определенный момент времени и простирающемуся в вечность, учение святителей обретает вселенское значение. Через соединение обращения к святителям и своего творения слова, основанного на духовном опыте и постижении священных текстов, автор как бы включает себя в ряд проповедников, берущий начало от Иисуса Христа и апостолов.

Первая часть обладает самостоятельной ценностью для автора, что ощущается в каждой ее детали и в общей интонации, но вместе с тем она подготавливает читателя отдельными вкраплениями к восприятию суждений на более насущные темы. Так, в характеристике святителей особое внимание уделяется праведности их жизни, совершенному знанию текстов Писания и дару толкования: «От сокровища с(е)рдца своего, // в нем же обита Д(у)хъ С(вя)тый // многия книги изнесоша. // И неудоборазумѣвательная писания // ясно протолковаша» (л. 194), их борьбе с ересью («Нелѣпая и ложная выклады // б(о)гохулныхъ еретикъ обличиша, // и посрамиша, и нивочто вмѣниша» (л. 194)) и принадлежности единому организму церкви («Истиннии пастыри, а не наемницы, // не самовольствомъ приидоша, // но от Хр(ис)та избрани быша, // по степенемъ с(вя)щенства // чиновнѣ возведени быша» (л. 195)). Эти аспекты окажутся значимыми при построении аргументации в двух следующих частях «Слова».

От превозношения святителей как идеала пастырского служения происходит постепенный переход ко второй части, посвященной порицанию священников, ведущих неподобающий образ жизни. Центральной становится цитата из труда Иоанна Златоуста, из которой вычитывается острая критика современных святителю иереев³. Критические пассажи автор обращает на своих современников, опираясь на авторитет одного из самых почитаемых учителей церкви⁴.

Основной акцент в обличительном пассаже делается на противопоставлении должного и имеющегося, где должным выступает в первую очередь изучение священниками книг и наставление паствы,

³ Автором на боковом поле рукописи дана ссылка: «Иоанн Златоуст, “Слово о живых учителях”». Верность указания данного источника спорна и требует отдельного рассмотрения, поскольку цитаты, приведенные автором, наиболее близки к сочинению под названием «Слова о лжепророках, и лжеучителях, и об еретиках, и о знаменях кончины века сего» раздела «Spuria» [Иоанн Златоуст, кн. 2], однако тоже не являются точными. Принадлежность обоих сочинений перу Иоанна Златоуста спорна, оба из них переписывались и претерпевали изменения в течение нескольких веков, и установить, на какой вариант текста опирался автор сборника при цитировании, пока что представляется затруднительным.

⁴ В XVII в. существовало большое число изданий сборников поучений – как современных создателю «Статира» авторов («Обед душевный» и «Вечеря душевная» Симеона Полоцкого, «Щит веры», подробнее см. [Панич], «Евангелие учительное» Кирилла Транквилиона и др., так и проповедников минувших эпох («Евангелие учительное», сборник «Мерило праведное», переиздания трудов Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григорий Богослова и т. д.)). Это позволяло автору конца XVII в. ориентироваться на широкий контекст при составлении собственных проповедей, обращаться к цитированию и развивать свои идеи на основе авторитетных источников.

а имеющимся – забота об обогащении и устройстве материальной стороны жизни. Нерадение иереев к изучению священных и поучительных книг, которое должно приводить к праведности жизни, имеет в понимании автора поистине губительные последствия:

Они книгами красящееся и заповѣдми, сии же ризами и кощунами... Оныя силни быша словомъ и дѣломъ. Сии же имѣниемъ и скотомъ, и конми... Слостолюбия ядениемъ и питиемъ исполнени, и о сихъ точию дню и нощию бесѣдуютъ: а о словеснѣмъ стадѣ бесловесни суще... Аще ли кто ихъ вопрошаеть о книгахъ, то отвѣщаютъ гл(агол)ющи: убози есмы, не имамъ чимъ книгъ стяжати. Ходятъ же не яко убози... (л. 196–196 об.).

Критический пассаж завершается самостоятельным выводом автора, содержащим образное сравнение и отсылку к Евангелию (Лк 18 : 25), что усиливает убедительность его речи в семантически сильной позиции – конце смыслового фрагмента:

Ибо невозможно без оружия идущу на брань спастися, тако невозможно некнижнему противу враговъ хр(ис)товыхъ, стояти, ниже о своей д(у)ши исправить. Яко невозможно велбуду сквозѣ иглинѣ уши проити, тако азъ мню, нево(з)можно в дебелую плотъ бл(а)г(ода)ти д(у)х(о)вной внити, иже д(у)ша вонями пишными смердитъ, не обитаеть ту чистота н(е)б(ес)ной прем(уд)р(о)сти (л. 196 об. –197).

Вывод еще раз обнаруживает значимость для автора книжного слова – от необразованного с точки зрения религиозной книжной культуры священника укрыто видение истинного пути, он оказывается не способным окормлять свою паству и направлять ее движение в сторону спасения.

Нужно отметить, что сам сан священства ставится автором неимоверно высоко – выше достоинства ангелов и земных царей, подтверждение чему можно встретить в проповедях сборника:

А к тому и самъ ц(а)рь покланяеть главу свою ко с(вя)тителю, и с(вя)щеннику, и просить бл(а)гословения, и посему болши суть с(вя)ти(те)ли ц(а)ря и князя (л. 195 об. и проч.).

Драматичность несоответствия высокого призвания пастыря и образа жизни некоторых иереев вызывает у автора сборника глубокое сокрушение и побуждает его к попыткам «вразумить» пастырей. В основу построения проповеди ложится антитеза: первая часть являет высокий образец священства и контрастирует с другими частями. Драматизация содержания проповеди отражает драматичность эпохи ее создания: во второй половине XVII в. происходит постепенная секуляризация культуры, внутри церкви развивается полемика грекофилов и латинян [см. подробнее: Панич], общество переживает

потрясения раскола. И в слове учения, обращенном к святоотеческому наследию, автору сборника видится возможность создания среди хаоса нестабильности и изменчивости точки опоры, которая способна задать вектор движения в сторону спасения.

Невежество иереев, недостаточное знание священных и поучительных книг обозначается как причина другого губительного явления – игнорирования обсуждения высоких богословских вопросов в среде простого необразованного народа, что приводит к искажению положений вероучения, их профанации. Отмечается несоответствие как субъектов бесед их предмету, так и топов, в которых ведутся толки на религиозные темы:

Увы мнѣ бѣдному, горе окаянному, ибо н(ы)нѣ о б(о)гословии и о с(вя)тыхъ таинствахъ истязание творять блудницы и корчемницы, и бабы, и не на мѣсте достойномъ, но в блудилище и в корчемницѣ о вере бесѣдуютъ, не на ползу, но на соблазнъ простѣйшимъ (л. 197–197 об.).

Подводя итог своим рассуждениям, автор открывает новую животрепещущую тему еретичества:

Того ради н(ы)нѣ мнози въ ереси и во отступство впадоша. И на ц(е)рковь с(вя)тую хульная гл(аголю)тъ, и архиеревъ б(о)жиихъ всячески укоряють (197 об.).

Во всю полноту он раскрывает ее в третьей части проповеди через описание неправедности самого еретического течения и его представителей. Главная цель пассажа – предотвращение отпадения паствы от церкви, для чего автору требуется убедить слушателей в порочности и неправоте «еретиков».

В «Слове» наряду с понятием «еретики» используются понятия «раскольники», «капитоны» и «капитонствующие». Какое религиозное течение стоит за этими именованиями, определить довольно сложно. К концу XVII в. система религиозных течений, отпавших от церкви, усложняется: группировки сливаются, расходятся и эволюционируют. Имело ли упоминаемое течение отношение к секте капитоновцев в современном историческом понимании, или речь идет об одной из группировок, возникших на основе раскольнического движения, определить довольно трудно. В статье используются авторские обозначения.

Автор последовательно обозначает слабые стороны «раскольников», причем касается при этом не вероучения, а образа жизни и отношения отступников к традиционной церкви. На первый план выводится отпадение «отступников» от организма церкви. Это выражается в несоответствии топоса их пребывания сакральному и в отсутствии рукоположения у многих лиц, выполняющих функции священнослужителей, что прерывает цепь преемственности, идущую от Христа и апостолов:

Иже по лесамъ по кустамъ, по пещерамъ крыются ложныя учителя и непоставлении с(вя)щенная дѣйствуютъ по простымъ домѣхъ слу- жать, и приношение приносятъ (л. 198).

Все это приводит к невозможности пребывания на них Святого Духа как обязательного условия жизни и функционирования церкви. Во- вторых, автор наделяет представителей данного течения всеми воз- можными пороками, что приземляет их роль и выставляет в самом не- благоприятном свете перед слушателями: «И учать всякому растлѣнию, пьянству, объядению, и блудный грѣхъ вменяють ни во что» (там же). В-третьих, особо отмечается их вольное толкование Священного Пи- сания и трудов святых отцов – это область ответственности «мудрых мужей», обладающих компетентностью в вопросах богословия и спо- собных адекватно истолковать священные тексты:

И многая писания о(те)ческая, и пр(о)р(о)къ с(вя)тыхъ протолко- вали по своему мнѣнию и темному разуму, по научению диаволу, ниже древнии еретицы тако мудръствовали. А здраваго учения не приемлють, и мудрыхъ мужей, и вѣдущихъ с(вя)тое Писание, иже д(е)нь и ношь тру- жаются в книжномъ чтании, и от пелень м(а)т(е)рнихъ во училищахъ пребыша. И они ихъ не слушають (там же).

Высшей точки накала и экспрессии достигает обличительный па- фос в четвертом пункте, когда автор пишет о том, что, отвергая уче- ние церкви и ее пастырей, «раскольники» таким образом отвергают и все церковное наследие, и саму жертву Христа:

И во всемъ ц(е)ркви с(вя)тѣй, иже на камени вѣры основаной, за ню же Хр(ис)тось С(ы)нъ Б(о)жий, и Б(о)гъ Иаковъ кровь свою из- ляль, о ней же с(вя)тии ап(ос)т(о)лы многия болѣзни и труды прияша, и мученицы с(вя)тии д(у)шы своя положиша. А они проклятии отметни- цы противятся, и рать сотворяють (л. 198–198 об.).

И, наконец, пятым обвинительным пунктом является осуждение «капитонами» архиереев, что представляется недопустимым и дер- зостным для автора:

Архиереевъ же, иже образъ Хр(ис)товъ на себѣ имуть, а они всячески укаряють, и неистовеѣ лають, яко нелѣпо есть истинному хр(ис)тиянину таковая и слышати, не точию гл(агол)ати (л. 198 об.).

Автор емко формулирует вывод из всего сказанного:

И тако велми возмутиша простую чадь людей и вслѣдъ своя погипе- ли отведоша б(о)г(о)проклятаго отступства (там же).

Все перечисленные доводы повторяются в третьей части проповеди вновь, но уже в ином контексте, закрепляясь в сознании адресатов. Специфика авторской аргументации состоит в отсутствии большого внимания к разногласиям в аспектах вероучения, эта проблема лишь намечается автором: «И многая писания о(те)ческая, и пр(о)р(о)къ с(вя)тыхъ протолковали по своему мнѣнию и темному разуму» (л. 198). Автор не пытается доказать ложность их позиции через рассмотрение разночтений богословского характера – принципиальное значение обретает образ жизни еретичествующих, факт их отпадения от единого церковного организма и нарушения апостольской преемственности.

Фрагмент проповеди, предвещающий ее завершение, представляет собой назидание слушателей. Это прямое обращение к адресатам с наставлением, которое насыщено еще более выразительными образами, оригинальными метафорами и приемами риторического убеждения. Логика построения проповеднического текста, предполагающая извлечение нравственного урока из всего сказанного, соответствует духу большинства проповедей византийских святителей, и в первую очередь Иоанна Златоуста.

Самим автором фрагмент разделен на две части: «Ибо первѣе ...» (л. 199), «Второе...» (л. 199 об.). В первой части автор подчеркивает необходимость послушания верующих пастырю и доверия ему в вопросах веры – здесь вновь возникает аспект разума:

Ибо первѣе познайте яко Хр(ис)товы суть: и яко немощни в разумѣ, и не можете себе сами пасти, на пажити бл(а)г(о)честия. Сего ради дарова вамъ Хр(ис)тосъ пастырей, да вы слушайте гласа ихъ, не своя бо гл(агол)ють, но Б(о)жия. Ибо удалившаяся овцы от пастыря, скоро снѣдь волку губителю бываетъ (л. 199–199 об.).

Довод подкрепляется образным сравнением с обращением к посланиям апостолов (Иак. 4 : 6–7) и использованием экспрессивных характеристик «непокорных» мирян:

Тѣмже не уповайте о своемъ разумѣ, и не возносите высокоумиемъ над пастырей: аще величается овца над пастыремъ, нѣсть овца кроткая Хр(ис)това стада, но козель смрадный и свирѣпый и непокоривый (л. 199 об.).

Замечательное обращение в сочетании с евангельской цитатой (Мф 11 : 28–30) демонстрирует совмещение в пространстве проповеди священного текста и разговорного бранного обращения:

Аще тако твориши, о смрадный козле и надутый баране, или не вѣси яко гордымъ Б(о)гъ противится, а смиреннымъ даетъ благодать. Ибо смирение есть Хр(ис)тово учение: той бо Самъ былъ кротокъ и смиренъ. А гордость есть диаволе исчадие: той бо гордости ради с высоты н(е)б(е)сная спаде (л. 199 об.).

Для усиления доводов и, следует полагать, для устрашения и вразумления паствы первая часть завершается картиной Страшного суда из евангельской притчи (Мф 25 : 32–34; 41), где гордые (подобные козлищам) встанут по левую руку Христа, а смиренные (подобные овцам) – по правую:

Ибо смиреннии в д(е)нь страшнаго суда Хр(ис)това одесную Его стануть, во свѣтлости и славѣ. А гордии ошуиюю, во ужасѣ и страсѣ. Ибо сего ради овцею назвася да знаеши своего Пастыря гласѣ, якоже выше рѣхомъ (л. 199 об.).

Выстраивается целая система образов животного мира, которые служат воздействию как на воображение слушателей (при этом подключаются контексты других сочинений, где фигурируют эти образы), так и на их эмоциональный настрой. Отступники именуются «волками», «разбойниками», что усиливается образом их жизни и местами пребывания («в корчемнице, и по лесамъ, и по кустамъ»), они «лаютъ», осуждая архиереев, то есть уподобляются псам. Чуть позже появляются образы «козлов» и «баранов», которые противопоставлены образу «овец» внутри паствы: это непокорные и горделивые ее члены, наиболее подверженные влиянию учения «капитонов». Интересно, что к хищникам (как «раскольники») они не приравниваются, а остаются в системе образов животных, нуждающихся в пастыре. Эти образы логично соотносятся с образами овец, которые становятся объектом воздействия «отступников», и духовно-социальная ситуация предстает в образах мира животных, более простого для слушателей и позволяющего посмотреть на происходящее как бы со стороны и дать этому более трезвую оценку (то есть согласиться со взглядом автора).

Вторая часть начинается с яркого ряда сравнений, где каждому животному приписывается свой порок, и происходит назидание от противного:

И да не будеши горделива яко велбудъ, ниже лѣнива яко козелъ, ниже чревообъястлива яко вепрь или яко медвѣдь. Ниже нечиста яко козелъ, ниже завидлива и гнѣвлива яко песь, ниже лакома яко вокль, ниже лукава яко лисица (л. 199 об. –200).

Этим отрицательным сравнениям противостоит образ овцы, которой стоит во всем подражать, и даже форма для его обозначения использована уменьшительно-ласкательная – проповедник выказывает свое умиление и старается расположить к нему читателей:

Но во всемъ буди подобенъ кроткому и бесловесному овчатѣ: ибо тая приносить господину своему: волну, млеко, и тучная, и паки совершенное смирение (л. 200).

Смысл этой объемной метафоры обнаруживается в толковании:

Принеси же и волну, дай нищимъ, и одѣй я, то бо есть уды Хр(ис)-товы. И млеко, и тучная дай по силѣ: на здания ц(е)рк(о)вняе, в монастыри, на размножение хвалы Б(о)жия (л. 200).

Автор указывает и на Божьи дары, которые во много раз превосходят посильные для верующих приношения:

И самъ приносити Хр(ис)ту истинному Пастырю моления, хваления и бл(а)годарения за толика дары Его: иже приведе тя от небытия в бытие, изыать тя от усть лва, и породе тя паки с(вя)тымъ крещениемъ в с(ы)-н(о)в(с)тво Б(о)жие (там же).

От темы смирения и необходимости послушания пастыря автор переходит к бытовым, насущным вопросам, в частности к необходимости оказания материальной поддержки священнику:

Кая бо полза, аще ты овца сый, питаешися и во всемъ изъобилуеши, а пастырь алчеть, и нищенствуетъ. Ибо с(вя)тый Павел гл(аголе)тъ: кто пасяй стадо и от млека его не ясть, или дѣлаяй виноградъ и от плода его не ясть (там же).

Но такой поворот не выглядит прагматично, поскольку «Слово 35» завершают возвышенные метафоры, связанные с необходимостью помощи пастырю, например:

Ты бо дай ему земная, а онъ подаетъ н(е)б(ес)ная. Ты бо тлѣнная, а онъ нетлѣнная. Не будетъ твое равно даяние ко оному, яко н(е)бо от земли отстоитъ, тако и твое даяние от его (там же).

Этим автор подчеркивает, что оказание помощи духовному наставнику служит спасению души жертвователя. Также апелляция к священному тексту – к Посланию апостола Павла – возвышает обращение автора к пастве и в его сознании, и в сознании слушателей, ведь подобные вопросы поднимались и самим апостолом:

Ктѣ воинствуетъ своими обрѣки когда? Или ктѣ насаждаеть виноградъ, и от плода егѣ не ясть? Или ктѣ пасеть стадо, и от млека стада не ясть? <...> Аще мы духовная сѣяхомъ вамъ, велико ли, аще мы ваша тѣлесная пожнемъ? (Кор. 9 : 7, 11).

Подытоживая сказанное в заключительном фрагменте, автор прибегает к трансформации евангельского текста. Торжественно и значительно звучат высказывания, перекликающиеся или дословно цитирующие 25-ю главу Евангелия от Матфея, на которую уже

ссылался автор и в которой описывается картина страшного суда («Тогда рече́тъ Ца́рь су́щымъ одесну́ю его́: прииди́те, благословенни́и Отца́ моего́, наслѣдуйте уготованное ва́мъ ца́рствіе от сложе́нія міра» (Мф. 25 : 34)). Но в конце проповеди делается акцент на положительном аспекте этого события, и авторская речь завершается жизнеутверждающей нотой:

Сего ради возлюбленнии, почитайте пастырей вашихъ, да и вы почтени от Хр(ис)та будете, дайте имъ: да и вы мзду от Хр(ис)та восприимете. Истиннии овцы стада Его избраннаго будете, и в д(е)нь Его пришествия одесную станете, и бл(а)женный Его гласъ услышите: приидите бл(а)гословеннии О(т)ца Моего, наслѣдуйте уготованное вамъ ц(а)р(с)твие прежде сложения мира (л. 200 об.).

Вновь оратор обращает слушателей к вечности – проповедь начинается на возвышенной ноте и ею же завершается. Фрагмент содержит вывод, итог всей проповеди: в нем отражены и тема священства, и необходимость послушания пастырям, которые ограждают своих духовных чад от еретических учений, и обязательность ощутимой помощи иереям, и тема спасения души. Завершается проповедь в лучших традициях гомилетики кратким молитвенным пассажем, в котором возникают и образ Бога, и образы трех святителей, и заключительная молитвенная формула:

Егоже сподоби и насъ бл(а)годатию Своего челоуѣколюбия, // и м(о)-л(и)тва триехъ с(вя)т(ите)лей // вся вселенная предстателей // яко благословенъ еси // во вѣки вѣковъ // Аминь (там же).

Создатель сборника касается и духовных, и насущных вопросов, соединяя их в неразрывное целое, и при обращении к бытовым темам выстраивает свою речь так, что оказывается в одном ряду с апостолами и святителями-проповедниками, не приравнивая себя к ним, но ощущая себя звеном единой цепи, что придает вес его словам в сознании слушателей и позволяет с большей силой воздействовать на их взгляды и духовную жизнь.

Таким образом, проповедь напоминает живое рассуждение, многоаспектную беседу, выстроенную нелинейно, однако обладающую четкой логикой. Каждая из тем имеет от одного до нескольких тезисов, которые аргументируются иллюстрациями из евангельских текстов и окружающей действительности, прямым и скрытым цитированием текстов Библии и трудов учителей церкви, а также при помощи ярких образных сравнений. Как правило, каждый микротематический пассаж завершается емким выводом, который одновременно содержит информацию, служащую введением к следующему смысловому фрагменту. При том, что крупные темы последовательно вытекают друг из друга, включая в себя более мелкие, практически каждая из них

имеет точки соприкосновения со всеми остальными темами проповеди – образуется своеобразная тематическая сеть, имеющая, кроме того, в своем центре объединяющий все темы концепт слова. Каждая тематическая область имеет свои задачи, и в первой части проповеди происходит приобщение слушателей к восхвалению святителей с сопутствующим утверждением авторитета священнослужителя, во второй – доказательство недостойности жизни современных автору священников, а в третьей – убеждение паствы в несправедности движения «еретиков», имевшее целью отвратить ее от примыкания к последнему. Сверхзадачей проповедей являлось преобразование жизни слушателей и окружающей действительности, и вера в преобразующую силу слова и возможность достижения цели через донесение слова истины до слушателей отличает создателя рукописи как представителя своей эпохи.

Список литературы

- Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М. : Наука, 1997. 343 с.
- Алексеев П. Т.* «Статир»: описание анонимной рукописи XVII века // Археографический ежегодник за 1964 год. М. : Наука, 1965. С. 92–101.
- Буланин Д. М.* Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // Рус. лит. 1980. № 3. С. 137–142.
- Востоков А. Х.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1842. 903 с.
- Елеонская А. С.* Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М. : Наука, 1990. 222 с.
- Еремин И. П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948. Т. 6. С. 125–153.
- Иоанн Златоуст.* Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста : в 12 т. Свято-Успенская Почаевская лавра, 2005. Т. 8. 1080 с.
- Киселева М. С.* Интеллектуальный выбор России второй половины XVII – начала XVIII века: от древнерусской книжности к европейской учености. М. : Прогресс – Традиция, 2011. 472 с.
- Корзо М. А.* Образ человека в проповедях XVII века. М. : Ин-т философии РАН, 1999. 189 с.
- Левшун Л. В.* О слове преображенном и слове преображающем: теоретико-аналитический очерк истории восточнославянского книжного слова XI–XVII веков. Минск : Белорус. православ. церковь, 2009. 895 с.
- Михальская А. К.* Русский Сократ : Лекции по сравнительно-исторической риторике. М. : Academia, 1996. 192 с.
- Панич Т. В.* Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск : Сиб. хронограф, 2004. 332 с.
- Попов В. Е.* Симеон Полоцкий как проповедник. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1886. 98 с.
- РГБ. Собр. Румянцева. № 411 (Сборник слов и поучений «Статир»). Кон. XVII в. 815 л.
- Сгибнева Н. Ф.* «Яко не просто нищета спасает и богатство погубляет...»: о богатстве и нищете в сборнике проповедей конца XVII в. «Статир» // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2011. № 2 (90). С. 223–237.
- Симеон Полоцкий.* Обед душевный. М. : Тип. Верхняя, 1681 [7190]. 771 л.
- Соболева Л. С.* Авторский код рукописного сборника «Статир» (Орел-городок, 1683–1684 годы) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. Т. 10. 2011. Вып. 8. Филология. С. 175–186.

Соболева Л. С., Мангулев П., прот. Исторический контекст создания сборника проповедей «Статир» и личность автора // Церковь. Богословие. История : материалы II Всерос. науч.-богослов. конф. (Екатеринбург, 12 февраля 2014 г.). Екатеринбург : Информ.-изд. отд. ЕДС, 2014. С. 134–145.

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1893–1912.

Тайшев А., арх. Руководство по гомилетике. М. : Изд-во Правосл. Свято-Тихон. богосл. ин-та, 2001. 144 с.

Феодосий, еп. Гомилетика : Теория церковной проповеди. Сергиев Посад : Моск. духов. акад., 1999. 324 с.

References

Alekseev, P. T. (1965). “Statir”: opisanie anonimnoi rukopisi XVII veka [Statir: A Description of an Anonymous Manuscript of the 17th Century]. In *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 god*. Moscow, Nauka, pp. 92–101.

Averintsev, S. S. (1997). *Poetika rannevizantiiskoi literatury* [Poetics of Early Byzantine Literature]. Moscow, Nauka. 343 p.

Bulanin, D. M. (1980). Nekotorye trudnosti izucheniya biografii drevnerusskikh pisatelei [Some Difficulties in Studying the Biography of Medieval Russian Writers]. In *Russkaya literatura*. No. 3, pp. 137–142.

Eleonskaya, A. S. (1990). *Russkaya oratorskaya proza v literaturnom protsesse XVII veka* [Russian Oratorical Prose in the Literary Process of the 17th Century]. Moscow, Nauka. 222 p.

Eremin, I. P. (1948). Poeticheskii stil' Simeona Polotskogo [The Poetic Style of Simeon Polotsky]. In *TODRL*. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 6, pp. 125–153.

Feodosii, Бр. (1999). *Gomiletika. Teoriya tserkovnoi propovedi* [Homiletics. The Theory of Church Preaching]. Sergiev Posad, Moskovskaya dukhovnaya akademiya. 324 p.

John Chrysostom (2005). *Tvoreniya Svyatogo ottsa nashego Ioanna Zlatousty v 12 t.* [Works of the Our Holy Father John Chrysostom. 12 Vols.]. Svyato-Uspenskaya Pochaevskaya Lavra. Vol. 8. 1080 p.

Kiseleva, M. S. (2011). *Intellektual'nyi vybor Rossii vtoroi poloviny XVII – nachala XVIII veka: ot drevnerusskoi knizhnosti k evropeiskoi uchenosti* [The Intellectual Choice of Russia in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries: From Old Russian Book Writing to European Scholarship]. Moscow, Progress – Traditsiya. 472 p.

Korzo, M. A. (1999). *Obraz cheloveka v propovedyakh XVII veka* [The Image of Man in the Sermons of the 17th Century]. Moscow, Institut filosofii RAN. 189 p.

Levshun, L. V. (2009). *O slove preobrazhennom i slove preobrazhayushchem: teoretiko-analiticheskii ocherk istorii vostochnoslavianskogo knizhnogo slova XI–XVII vekov* [About the Transformed Word and the Word Transforming: Theoretical and Analytical Essay on the History of the 9th–17th Centuries East Slavic Book Word]. Minsk, Belorusskaya pravoslavnaya tserkov'. 895 p.

Mikhail'skaya, A. K. (1996). *Russkii Sokrat. Lektsii po sravnitel'no-istoricheskoi ritorike* [Russian Socrates. Lectures on Comparative Historical Rhetoric]. Moscow, Academia. 192 p.

Panich, T. V. (2004). *Kniga “Shchit very” v istoriko-literaturnom kontekste kontsa XVII veka* [The Book *Shield of Faith* in the Historical and Literary Context of the End of the 17th Century]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf. 332 p.

Popov, V. E. (1886). *Simeon Polotskii kak propovednik* [Simeon Polotsky as a Preacher]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Yu. Romana. 98 p.

RGB [Russian State Library]. *Sobranie Rummyantseva*. No. 411 (Sbornik slov i pouchenii “Statir”). Konets XVII v. 815 fol.

Sgibneva, N. F. (2011). “Yako ne prosto nishcheta spasayet i bogatstvo pogublyayet...”: o bogatstve i nishchete v sbornike propovedei kontsa XVII v. “Statir” [“It’s Not Just Poverty that Saves and Ruins Wealth...”: About Wealth and Poverty in the Sermon of the

Late 17th Century *Statir*]. In *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Gumanitarnye nauki*. No. 2 (90), pp. 223–237.

Simeon Polotsky (1681) [190]. *Obed dushevnyi* [Food for the Soul]. Moscow, Tipografiya Verkhnyaya. 771 sheets.

Soboleva, L. S. (2011). Avtorskii kod rukopisnogo sbornika “Statir” (Orel-gorodok, 1683–1684 gody) [Author's Code of the Hand-Written Collection “Statir” (“Orel-gorodok”, 1683–1684)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. Vol. 10. Iss. 8. Filologiya, pp. 175–186.

Soboleva, L. S., Mangilev P., Archp. (2014). Istoricheskii kontekst sozdaniya sbornika propovedei “Statir” i lichnost' avtora [The Historical Context of the Creation of the Sermon Collection *Statir* and the Personality of the Author]. In *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriya. Materialy II Vserossiiskoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 12 fevralya 2014 g.)*. Yekaterinburg, Informatsionno-izdatel'skii otdel Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii, pp. 134–145.

Sreznevsky, I. I. (1893–1912). *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Artefacts. 3 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk.

Taushev, A., Archp. (2001). *Rukovodstvo po gomiletike* [Homiletics Guide]. Moscow, Izdatel'stvo Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. 144 p.

Vostokov, A. Kh. (1842). *Opisanie russkikh i slovenskikh rukopisei Rummyantsevskogo muzeuma* [Description of Russian and Slovenian Manuscripts of the Rummyantsev Museum]. St Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. 903 p.

The article was submitted on 18.11.2019